

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

БИЗНЕС-ЛЕДИ
ЗАМКА
ЛАВЕНБРИ

Надежда Соколова

Бизнес-леди замка Лавенбри

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Бизнес-леди замка Лавенбри / Н. И. Соколова — «Автор», 2026

Мне 38, и я попаданка. Вот уже 2 года я живу в магическом мире, в собственном замке, развиваю свой бизнес, забочусь о своих крестьянах, ремонтирую свой замок. И даже думать не хочу о женихах. Ни о ком из них. Даже о красавце аристократе, зачистившем в мой замок.

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Надежда Соколова

Бизнес-леди замка Лавенбри

Глава 1

Портал в ратушу открылся в полдень — магистр Ортега сам пришёл в холл, чтобы проводить нас. Он чертил знаки на полу, что-то шептал, и серебристый овал вспыхнул — ровный, яркий, ждущий. Я шагнула первой, за мной — Марта, Лизбет и Иоланта. Мы держались за руки. И мир снова исчез, чтобы появиться заново.

Мы вышли в холле ратуши — не в том огромном зале, где будет бал, а в боковом помещении, отведённом для гостей. Мраморный пол, высокие окна, зеркала в золочёных рамах. Пахло воском, цветами, духами. Уже отсюда было слышно музыку — скрипки, лютни, флейты. И голоса. Много голосов. Смех. Шорох платьев. Звон бокалов. Бал начинался.

Распорядитель — не императорский, а городской, в тёмно-синем сюртуке с гербом ратуши, — поклонился и проводил нас в зал. Мы шли по коридору, и я чувствовала, как Лизбет чуть дрожит рядом. Марта — та держалась прямо, но я видела, как она сжала пальцы. Иоланта — спокойная, как всегда. Я — тоже. Потому что знала: мы готовы.

Зал ратуши был меньше императорского — раза в три, может, в четыре. Но всё равно роскошный. Высокие потолки с лепниной, но не золотой — белой, с серебром. Хрустальные люстры — не такие огромные, как во дворце, но всё равно красивые. Колонны из мрамора — не белого, а серого, с прожилками. Пол — паркет, натёртый до блеска. И люди. Сотни людей. Дамы в платьях всех цветов — весенних, светлых, ярких. Мужчины в сюртуках, в мундирах, с орденами. Музыканты на возвышении. Слуги с подносами. Всё это двигалось, говорило, смеялось. Всё это было — как море. И мы стояли на пороге — четыре женщины, — и я чувствовала, как Марта и Лизбет вцепились в мои руки.

— Идём, — сказала я тихо. — Держитесь рядом. Не бойтесь. Мы здесь не хуже других.

Мы вошли. Я шла первой — медленно, ровно, с высоко поднятой головой. Я не смотрела по сторонам — не потому, что не хотела, а потому, что знала: если буду искать взгляды, буду выглядеть неуверенно. Я просто шла. Как будто делала это каждый день. Как будто ратуша — это мой дом. И это работало. Люди расступались. Кто-то смотрел на моё платье — тёмно-синее, с серебряной вышивкой. Кто-то — на платье Марты, серое, строгое. Кто-то — на Лизбет, голубое, с кружевом. Кто-то — на Иоланту, золотистое, с осенними листьями. Я слышала шёпот: «Кто это? Откуда?» — но не оборачивалась. Просто шла. К дальнему окну — к месту, где было не таклюдно.

Мы остановились у окна. Я взяла бокал вина с подноса проходившего слуги. Марта, Лизбет и Иоланта — тоже. Мы стояли и смотрели. На танцующих. На музыкантов. На дам и мужчин, которые кружились по залу.

Я осматривалась. Медленно, внимательно. И видела знакомые лица. Графиня Лора — в ярко-жёлтом платье, с подругами, смеётся. Найра Фогель — в светло-зелёном, с мужем, разговаривает с кем-то. Сёстры Вайс — в одинаковых серых платьях, сидят в стороне, наблюдают. Бургомистр — в чёрном сюртуке, с орденом, стоит у колонны. Мартин Шульц — с женой, у стола с вином. Ансельм Кригер — с женой, танцует. Все — знакомые. Все — те, кого я знала. Те, кто заказывал. Те, кто платил. Те, кто был частью нашей жизни.

А потом я увидела их. У противоположной стены. Эдвард и Ричард. Без отца. Ричард — в синем сюртуке, с чуть смущённой улыбкой, с бокалом в руке. Он смотрел на танцующих — искал кого-то. Графиню Лору, наверное. Эдвард — в сером, сдержанный, спокойный. Он

стоял, прислонившись к колонне, и смотрел в зал. Не на танцующих — на всех сразу. Как будто искал. Как будто ждал. И когда его взгляд дошёл до нас — до меня, — он остановился.

Я видела, как он замер. Как его рука, державшая бокал, чуть дрогнула. Как он выпрямился. Как в его глазах что-то вспыхнуло — не удивление, не радость, а что-то глубже. Что-то, что он прятал. Что-то, что он не показывал никому. Он смотрел на меня — долго, не отрываясь. И я смотрела на него. И между нами — через весь зал, через сотни людей, через музыку и голоса — протянулась нить. Тонкая, но прочная. Я чувствовала её. Знала, что он тоже чувствует.

Ричард что-то сказал брату — я не слышала. Эдвард кивнул, не отводя глаз. Потом Ричард ушёл — к графине Лоре, наверное. А Эдвард остался стоять. У колонны. С бокалом. И смотрел на меня. Не подходил. Не улыбался. Просто смотрел. И я знала: он ждёт. Ждёт, когда я подойду. Или когда он сможет подойти. Когда это будет уместно. Когда никто не будет смотреть.

Я отвела глаза. Не потому, что не хотела смотреть. А потому, что не хотела, чтобы кто-то заметил. Мы оба знали: это — не место и не время. Бал только начался. Гости ещё не разошлись по залам. Музыка ещё играла. И нам нужно было ждать.

Я сделала глоток вина. Оно было хорошее — тёплое, терпкое. Марта стояла рядом — бледная, но держалась. Лизбет смотрела на танцующих. Иоланта — на стены, на фрески, на всё, что хотела запомнить. Я — на зал. На людей. На него. На Эдварда. Который всё ещё стоял у колонны. И смотрел. Я знала: он подойдёт. Позже. Когда будет можно.

Мы стояли у окна, и я видела, как зал постепенно наполняется. Музыка играла негромко — музыканты ещё настраивались, — и гости ходили по залу, здоровались, разговаривали. Бал должен был начаться через час, но люди уже съезжались. Я видела, как входят новые и новые лица — дамы в светлых платьях, мужчины в сюртуках, слуги с подносами. Ратуша оживала.

Я решила не ждать. Стоять у окна и смотреть — это не для меня. Я пришла сюда не только для того, чтобы показать себя. Я пришла для того, чтобы работать. Заказы, знакомства, связи. Всё это было важно. Всё это было нужно. Я повернулась к Марте, Лизбет и Иоланте.

— Идёмте, — сказала я. — Будем знакомиться. И собирать заказы. Держитесь рядом. Если кто-то подойдёт, не бойтесь. Отвечайте. Говорите о том, что знаете.

Они кивнули. Марта — чуть бледная, но собранная. Лизбет — тихая, но готовая. Иоланта — спокойная, как всегда. Мы двинулись в зал. Я шла первой, они — чуть позади. Как свита. Как помощницы. Как те, кто делает.

Первой я увидела графиню Лору. Она стояла в центре зала, окружённая подругами, и что-то рассказывала — размахивая руками, смеясь. Увидев меня, она прервалась на полуслове и бросилась навстречу.

— Найра Виктория! Вы пришли! В платье! В том самом! — Она обняла меня — крепко, по-настоящему. — Я так рада! Все спрашивают, кто вы. Я говорю — хозяйка замка. Они не верят. Говорят, хозяйка замка не может так выглядеть. А я говорю — может!

Я улыбнулась.

— Благодарю, ваше сиятельство. Рада вас видеть.

Она отстранилась и посмотрела на Марту, Лизбет и Иоланту. И тут же улыбнулась им — как старым знакомым.

— Найра Марта! Вы сегодня в сером? А я помню вас в зелёном. Тогда, на примерке. Вы меня затянули так, что я дышать не могла. Но платье было — ах! — Она подмигнула Марте. — Мне нужно новое. К лету. Что-то светлое. С вышивкой. Вы возьмётесь?

Марта кивнула — чуть порозовела, но держалась.

— Возьмёмся, ваше сиятельство. Через месяц. Может, раньше.

— Отлично, — графиня хлопнула в ладоши. Потом повернулась к Лизбет. — А вы — найра Лизбет, верно? Та, что делала для меня молитвенник? Я его читаю каждый вечер. Он лежит у моей кровати. Лучшая книга, что у меня есть.

Лизбет чуть улыбнулась — редкость для неё.

— Благодарю, ваше сиятельство.

— Я хочу ещё одну, — сказала графиня. — Сборник. Сказаний. Или стихов. Что-нибудь для зимы. Чтобы читать у камина. Сделаете?

Лизбет кивнула.

— Сделаем.

Графиня повернулась к Иоланте. И тут её лицо изменилось — стало мягче, теплее.

— Найра Иоланта. Я до сих пор не поблагодарила вас за портрет. Он висит в моей гостиной. Все спрашивают, кто писал. Я говорю — художница из замка. Они не верят. Говорят — так не пишут в провинции. А я говорю — пишут.

Иоланта чуть склонила голову.

— Благодарю, ваше сиятельство.

— Я хочу ещё один, — сказала графиня. — Для летнего дома. Что-то весеннее. Или летнее. С цветами. Сможете?

Иоланта кивнула.

— Смогу.

Графиня убежала — к подругам. Я видела, как она что-то говорит им, указывая на нас. Подруги кивали, смотрели. Я знала: они подойдут. Через минуту, через пять. Они подойдут.

Я пошла дальше. Следующей была найра Фогель — жена бургомистра. Она стояла у стола с вином, с бокалом в руке, и разговаривала с женой судьи. Увидев меня, она улыбнулась — сдержанно, но искренне.

— Найра Виктория, — сказала она. — Рада вас видеть. Вы сегодня... — она поискала слово, — великолепны.

— Благодарю, найра Фогель, — сказала я. — Вы тоже.

Она представила меня жене судьи — немолодой женщине с умными глазами и острым носом. Та оглядела меня — быстро, внимательно.

— Слышала о вас, — сказала она. — Говорят, у вас работают женщины. Те, кого никто не берёт. Это правда?

— Правда, — сказала я. — У нас больше сорока женщин. Швеи, художницы, переписчицы, ткачихи, скорняки. Все — те, кому некуда было идти.

Жена судьи кивнула.

— Интересно. Я хочу заказать книгу. Для мужа. Что-то по истории. Или по законам. Он любит читать. Вы делаете книги?

— Делаем, — сказала я. — Лизбет — наша старшая переписчица. Она может показать образцы.

Лизбет шагнула вперёд — тихо, но уверенно. Она вынула из сумки небольшую книгу — ту, что мы показывали императрице. Жена судьи взяла её, открыла, провела рукой по страницам.

— Красиво, — сказала она. — Очень красиво. Я закажу. Пришлю слугу с письмом.

Я кивнула. Она отошла — к мужу, к бургомистру. Найра Фогель осталась.

— Найра Виктория, — сказала она тихо. — Я хотела поблагодарить. За платье. За портрет. За всё. Вы сделали больше, чем я ожидала. Я говорила о вас с мужем. Он впечатлен. Он хочет приехать. Посмотреть. Может быть, заказать что-то для ратуши.

Я кивнула.

— Будем рады. В любое время.

Она улыбнулась и отошла. Я пошла дальше. За ней — сёстры Вайс. Они сидели в стороне, в одинаковых серых платьях, с одинаковыми причёсками. Увидев меня, они встали — обе, одновременно.

— Найра Виктория, — сказала старшая. — Мы хотели заказать. Два платья. И вышивку. Для бала. Но не для этого — для летнего. Мы едем в гости. К племяннице. В столицу.

— Хорошо, — сказала я. — Марта возьмётся. Платья — какие?

— Светлые, — сказала младшая. — Лён. Или шёлк. Что-то простое. Но с вышивкой. Мы любим вышивку.

Марта кивнула и записала. Сёстры — тоже. Потом отошли.

Я шла по залу, и заказы сыпались один за другим. Жена купца — платье. Помещица — портрет. Две купчихи — сумки и перчатки. Ещё одна дама — книгу. Молодая женщина — картину. Все — с предоплатой. Все — с надеждой. Я видела, как Марта, Лизбет и Иоланта работают — каждая со своим. Марта — с платьями. Лизбет — с книгами. Иоланта — с картинами. Они не боялись. Они говорили. Они делали. Я видела, как они растут. Как оттаивают. Как становятся теми, кем должны быть.

Глава 2

Танцы начались вскоре после того, как мы закончили с заказами. Музыканты заиграли громче — скрипки, лютни, флейты, — и зал ожил. Пары закружились по паркету, дамы в светлых платьях, мужчины в тёмных сюртуках. Графиня Лора уже танцевала с Ричардом — я видела её ярко-жёлтое платье, мелькающее среди других. Найра Фогель — с мужем. Жена судьи — с бургомистром. Сёстры Вайс сидели в стороне, но улыбались, глядя на танцующих.

Гости начали расходиться. Кто-то остался в зале — танцевать. Кто-то ушёл в соседние комнаты — есть, пить, играть в карты. Я видела, как Мартин Шульц с женой направились к дверям — наверное, к столам с вином. Ансельм Кригер — туда же. Ещё несколько пар — в боковые галереи. Зал постепенно пустел, но не становился тише. Наоборот — музыка играла громче, смех слышался отовсюду, и в воздухе висело что-то — лёгкое, весеннее, пьянящее.

Я отошла в сторону. Не потому, что устала — просто хотела минуту тишины. У колонны, в углу, за тяжёлой портьерой — там было почти темно, и никто меня не видел. Я прислонилась к стене и закрыла глаза. Музыка играла. Люди танцевали. А я стояла и думала. О заказах — двадцати трёх, которые надо закончить к лету. О Марте, Лизбет и Иоланте — как они справились. Как говорили с дамами. Как собирали заказы. Они выросли. За один вечер. Я видела это. И гордилась ими. По-настоящему.

Я думала об Эдварде. О том, как он стоял у колонны — смотрел на меня. Как не подходил. Как ждал. Я знала: он найдёт меня. Рано или поздно. Он не мог не найти. Потому что он ждал этого — весь вечер. Может быть, всю зиму. Может быть, дольше.

Я услышала шаги. Тихие, уверенные. Кто-то шёл в мою сторону — не танцуя, не разговаривая. Просто шёл. Я открыла глаза. Портьера чуть колыхнулась. И в полумраке, за тканью, я увидела его. Эдвард. Он стоял в двух шагах — в сером сюртуке, с бокалом в руке, который, кажется, уже не держал. Смотрел на меня. Молча.

— Найра Виктория, — сказал он тихо. — Я знал, что вы здесь.

Я посмотрела на него. В полумраке его лицо было другим — мягче, ближе. Не сдержанный наследник герцога. Просто мужчина. Который нашёл меня. За портьерой. В темноте. Где никто не видел.

— Как вы узнали? — спросила я.

— Я видел, как вы отошли. Пять минут назад. Вы стояли у окна, потом пошли сюда. Я ждал. Думал — может, вы хотите побыть одна. Но потом решил — нет. Не хочу ждать. Хочу подойти.

Он сделал шаг вперёд. Теперь нас разделяло гораздо меньше расстояния.

— Виктория, — сказал он. Просто — Виктория. Без «найры». Как тогда. В галерее. — Я не хотел ждать до конца бала. Я хотел сказать вам это сейчас. Пока мы одни. Пока никто не смотрит.

Я молчала. Сердце билось быстрее. Я чувствовала, как портьера касается моего плеча — тяжёлая, бархатная. Как музыка где-то далеко — приглушённая, чужая. Как темнота вокруг — мягкая, тёплая. И как он стоит — близко. Ближе, чем позволяли правила. Ближе, чем было прилично. Но мне было всё равно. Потому что я хотела, чтобы он стоял ещё ближе.

— Я приеду весной, — сказал он. — В замок. Как обещал. Но я хотел сказать вам это раньше. Чтобы вы знали. Чтобы вы ждали. Чтобы вы не думали, что я забыл.

— Я не думала, — сказала я. — Я знала.

Он улыбнулся — чуть-чуть. Потом взял мою руку. Не для поцелуя. Просто взял. Как тогда. В галерее. Подержал. Согрел.

— Виктория, — сказал он тихо. — Я хочу быть рядом. Не как гость. Не как друг. Как... — он замолчал, подбирая слово. — Как тот, кто вам не мешает. Кто рядом. С кем можно

молчать. Кому можно доверять. Я не прошу ничего. Я просто хочу, чтобы вы знали: я есть. И я никуда не уйду.

Я смотрела на него. На его тёмные глаза. На его спокойное лицо. На его руку, которая держала мою. И чувствовала, как что-то внутри меня — то, что я держала запертым все это время, — оттаивает. Медленно. По чуть-чуть. Но оттаивает.

— Эдвард, — сказала я. — Я не знаю, что будет. Я не знаю, готова ли. Я привыкла быть одна. Я не умею... — я поискала слово. — Не умею пускать кого-то. Близко.

— Я знаю, — сказал он. — Я не тороплю.

— Но, — сказала я, — я рада, что вы нашли меня. Здесь. За портьерой. Я рада, что вы не стали ждать.

Эдвард помолчал, прежде чем ответить. Портьера чуть колыхалась от сквозняка, и в полумраке его лицо казалось старше — усталым. Он всё ещё держал мою руку, но теперь чуть крепче.

— Виктория, — сказал он тихо. — Я должен сказать вам. Зима была тяжёлой.

Я посмотрела на него. Не перебивала.

— Мы все трое болели, — продолжил он. — Я, Ричард и отец. Началось в январе. Сначала думали — простуда. Потом — хуже. Жар, кашель, слабость. Лекарь сказал, что это та же болезнь, что ходила по деревням. Мы лежали три недели. Ричард поправился первым — он молодой, сильный. Я — вторым. А отец... — он замолчал. Потом сказал: — Отец до сих пор не поправился.

Я почувствовала, как что-то сжалось внутри. Герцог Нортон горт Партосан. Большой, шумный, самоуверенный. Который приезжал сватать сыновей. Который говорил о породнении. Который был — как скала. И теперь — болеет. Не поправился.

— Насколько серьёзно? — спросила я.

— Очень серьёзно, — сказал Эдвард. — Он слаб. Не встаёт с постели. Лекарь говорит, что это может быть надолго. Может быть, навсегда. Мы не знаем. Ричард и я — мы делаем всё, что можем. Управляем имением. Ведём дела. Но отец... — он снова замолчал. — Он не поправляется.

Я смотрела на него. На мужчину, который говорил спокойно, ровно — но в глазах было что-то, чего я не видела раньше. Не страх. Не отчаяние. Что-то глубже. Усталость. И боль. Он держал это в себе. Весь вечер. Всю зиму. Может быть, дольше.

— Поэтому вы не приехали весной, — сказала я. — Я ждала. Вы не приехали.

Он кивнул.

— Не мог. Не хотел оставлять отца. Он слаб. Каждое утро я не знаю, проснётся ли он. И каждый вечер — не знаю, доживёт ли до утра. Я не мог уехать. Простите.

— Не за что прощать, — сказала я. — Вы были нужны там.

Он чуть улыбнулся — уголками губ, горько.

— Вы всегда говорите правильные вещи. Это... это одна из причин, почему я к вам приехал. Не только потому, что обещал. Потому что вы — единственная, с кем я могу говорить об этом. Не как с герцогом. Не как с сыном. Просто — как с человеком.

Я молчала. Портьера чуть колыхалась. Музыка где-то играла. Люди танцевали. А мы стояли в темноте, у колонны, и говорили о том, о чём не говорят на балах. О болезни. О страхе. О том, что отец может умереть.

— Эдвард, — сказала я. — Если вам нужно — приезжайте. В замок. В любое время. Не весной — сейчас. Если сможете. Мы найдём вам комнату. Вы отдохнёте. Хотя бы на день. На два.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Спасибо. Я запомню. Может быть — приеду. Когда смогу. Когда отец будет... — он не договорил.

Я кивнула. Мы стояли ещё минуту. Потом он отпустил мою руку — медленно, как будто не хотел. Отступил на шаг.

— Мне пора, — сказал он. — Ричард ждёт. Мы уедем скоро. Отец один. Нельзя долго.

— Понимаю, — сказала я.

Он отодвинул портьеру. Свет из зала упал на его лицо. Я увидела, как он устал. Как бледен. Как держится из последних сил. Он кивнул мне — коротко — и ушёл. Портьера закрылась. Я осталась стоять. В темноте. У колонны. С мыслью, которая не уходила. «Он болеет. Герцог болеет. И Эдвард держится. Один. За всех».

Я вышла из-за портьеры через минуту. Нашла Марту, Лизбет и Иоланту. Они стояли у стола с вином — разговаривали с сёстрами Вайс. Увидев меня, Марта чуть подняла бровь. Но ничего не сказала. Я тоже ничего не сказала. Просто взяла бокал. Сделала глоток. Вино было хорошее. Музыка играла. Бал продолжался. Но что-то во мне изменилось. Что-то, что я не могла назвать. Может быть, понимание. Может быть, сочувствие. Может быть, что-то ещё. Что-то, что я чувствовала к нему. К Эдварду. Который держался. Который не жаловался. Который пришёл на бал ради меня. И сказал правду.

Бал закончился поздно — почти в два часа ночи. Музыканты играли последний танец, гости постепенно расходились, и зал пустел. Я видела, как графиня Лора вышла через главный вход — одна, без Ричарда. Он проводил её до кареты, что-то сказал на прощание, и она улыбнулась — тепло, но сдержанно. Потом он вернулся в зал, нашёл Эдварда, и они вместе вышли через боковую дверь — не прощаясь ни с кем. Спешили к отцу.

Я нашла Марту, Лизбет и Иоланту у выхода. Они стояли усталые, но довольные. Марта держала список заказов — длинный, в несколько столбцов. Лизбет — сумку с образцами. Иоланта — папку с набросками. Они работали весь вечер.

— Идёмте, — сказала я. — Пора.

Магистр Ортега ждал нас в боковом зале — он пришёл к концу бала, чтобы открыть портал. Он чертил знаки на полу, что-то шептал, и серебристый овал вспыхнул — ровный, яркий, ждущий. Я шагнула первой. За мной — Марта, Лизбет и Иоланта. Мы держались за руки. И мир снова исчез, чтобы появиться заново.

Мы вышли в холле замка. Тихо. Темно. Только свечи в канделябрах горят — кто-то оставил для нас. Я стояла несколько секунд, привыкая к тишине. После бала — после музыки, голосов, смеха — здесь было почти оглушительно тихо. Но это была хорошая тишина. Домашняя. Своя.

Эста уже шла навстречу — заспанная, но улыбающаяся. Она ждала. Не спала.

— Госпожа, — сказала она. — Как всё прошло?

— Хорошо, — сказала я. — Очень хорошо. Заказов много. Двадцать три. Может, больше. Утром посчитаем.

Она кивнула.

Я поднялась в свою комнату. Медленно — устала. Сняла платье, умылась, надела ночную рубашку. Легла в постель. Одеяло было прохладным, подушка — мягкой. Я лежала на спине и смотрела в потолок. Свеча горела на столике — тускло, тепло. Я не гасила её. Не хотела темноты.

Я повернулась на бок. Свеча догорала. За окном было тихо. Где-то в замке ещё работали — я слышала шаги, голоса, скрип. Но это было далеко. А здесь — только я. И мои мысли. И тепло одеяла. И что-то, что я не могла назвать. Что-то, что было похоже на надежду. На ожидание. На что-то, что я давно не чувствовала. Я закрыла глаза. Сон пришёл быстро — тихий, без сновидений.

Глава 3

Прошло две недели. Весна вступила в свои права — снег сошёл окончательно, дороги подсохли, и во дворе замка уже зеленела первая трава. Дни стали длиннее, солнце пригревало, и в мастерских открывали окна, чтобы впустить свежий воздух. Пахло землёй, первой зеленью, чем-то новым. Всем было не до отдыха — работа кипела.

Заказы с бала — двадцать три, а может, и больше — мы разбирали постепенно. Марта с девушками шила платья: для графини Лоры — светлое, с вышивкой; для найры Фогель — весеннее, с кружевом; для сестёр Вайс — два простых, но красивых; для жены судьи, для купчих, для помещиц. Швейная работала с утра до ночи — иглы стучали, утюги шипели, ткани разлетались по столам. Марта похудела, но глаза горели. Она справлялась.

Лизбет с переписчицами делала книги: молитвенник для одной дамы, сборник сказаний для графини, историю для жены судьи. Скрипторий на третьем этаже нового дома не закрывался — свечи горели до полуночи, перья скрипели, чернила сохли на страницах. Лизбет проверяла каждую строчку, каждую буквицу. Она не позволяла себе ошибок.

Иоланта с художницами писала портреты и картины: для графини Лоры — весенний пейзаж, для найры Фогель — портрет дочери, для бургомистра — вид ратуши, для купчих — натюрморты и миниатюры. Художественная мастерская пахла красками и скипидаром. Иоланта стояла у мольберта с утра до вечера. Она не жаловалась.

Скорняки — Бран и Торн — делали сумки, перчатки, кошель. Карл чинил инструменты. Тим натирал кожу воском.

Ткачихи во флигеле ткали лён и шерсть. Дети — те, что приехали из деревень, — помогали кто где мог.

А Роза — Роза закончила посуду для императрицы. Большую партию: тарелки, чашки, кувшины, подносы. Всё — с новыми узорами. Хохлома, гжель, палех, жостово. Она работала месяц — с ученицами, с девочками, с Мара, Линой и Адой. И теперь всё было готово. Джек упаковал посуду в ящики — бережно, с соломой, с войлоком. Магистр Ортега открыл портал. И посуда ушла во дворец. К императрице. Я стояла и смотрела, как ящики исчезают в серебристом овале. Один за другим. Потом портал погас. Всё. Ушло. Роза стояла рядом — усталая, но счастливая.

Я ходила по мастерским и смотрела. Всё двигалось. Всё шло своим чередом. И я — я тоже работала. Принимала письма, отвечала на заказы, проверяла счета, говорила с Джеком и Эстой. Дел было много. Но в голове — где-то на задворках, в тихом уголке — жил Эдвард. Я думала о нём. Не постоянно — урывками. Утром, когда просыпалась. Днём, когда видела что-то, что напоминало о нём. Вечером, когда садилась с чашкой чая у окна. Я думала о его руках. О его голосе. О том, как он сказал: «Виктория». О том, как он держал мою руку за портьерой. О том, как рассказал об отце. О болезни. О страхе. Я думала о том, приедет ли он. Когда. Сможет ли. И что я скажу, когда увижу его. Я не знала. Но я ждала. Тихо. Без спешки. Как он и просил.

Иногда я ловила себя на том, что улыбаюсь — просто так, без причины. Марта однажды заметила это и чуть подняла бровь. Но ничего не сказала. Лизбет — тоже. Иоланта — та просто улыбнулась в ответ. Они знали. Может быть, не всё. Но что-то. И это было хорошо. Потому что они были рядом. И потому что они не лезли. Не спрашивали. Не советовали. Просто были. Как всегда.

Письмо пришло вечером — магвестником, как обычно. Серебристый овал вспыхнул в холле, и из него выпал конверт. Я как раз шла из мастерских — проверяла, как идут заказы, — и остановилась. Подняла. Почерк я узнала сразу — ровный, чёткий, без завитков. Эдвард.

Я не стала читать в холле. Поднялась в свою комнату, закрыла дверь, села в кресло у окна. Сломала печать. Развернула лист.

«Виктория, — писал он. — Отец поправляется. Лекарь говорит, что опасность миновала. Он ещё слаб, но уже садится в постели, разговаривает, даже ворчит — как раньше. Это хороший знак. Ричард остаётся с ним. Я могу уехать на несколько дней. Если вы позволите — я приеду в замок. Один. Без Ричарда, без отца. Только я. Через несколько дней. Напишите, когда будет удобно. Я жду. Эдвард».

Я перечитала письмо дважды. Потом ещё раз. Отец поправляется. Опасность миновала. Эдвард может уехать. Один. Ко мне.

Я сидела и смотрела на лист. Буквы расплывались — не потому, что я плакала, а потому, что руки дрожали. Я не знала, что чувствую. Радость — да. Облегчение — да. Но и что-то ещё. Что-то, что было похоже на страх. Не перед ним — перед собой. Перед тем, что я могла почувствовать. Что уже чувствовала.

Я встала. Прошла по комнате. Потом села за стол. Взяла перо, чернила, пергамент. Написала: «Эдвард, я рада, что ваш отец поправляется. Приезжайте. Через несколько дней — хорошо. Комната для вас найдётся. Я буду ждать. Виктория». Коротко. Вежливо. Достоинно. Как всегда. Но я знала: за этими словами — больше. Намного больше. Я запечатала письмо и велела отправить с вестником. Потом откинулась в кресле и посмотрела в окно.

За ним темнело. Весна шла. Я не знала, что будет. Не знала, что скажу. Не знала, как буду себя вести. Но я знала: я хочу, чтобы он приехал. Хочу, чтобы он был здесь. Хочу, чтобы он сидел в кресле у камина. Пил чай. Говорил. Молчал. Просто был. Рядом.

Я улыбнулась — сама не заметила, как. Потом встала и пошла вниз — к Эсте, к Джеку. Надо было подготовиться.

Глава 4

Эдвард приехал через четыре дня — как и обещал. Я услышала стук копыт и скрип колёс ещё из гостиной. Выглянула в окно. Карета — та же тёмно-серая, без гербов, — остановилась у крыльца. Из неё вышел Эдвард, а за ним — пожилой мужчина в тёмном сюртуке, с саквояжем в руках. Камердинер. Я видела его впервые, но поняла сразу — по тому, как он держался, как шёл за Эдвардом, как нёс его вещи. Слуга. Преданный. Старый.

Я вышла на крыльцо. Эдвард поднялся по ступеням — усталый с дороги, но с тем же спокойным лицом. Увидев меня, он чуть улыбнулся — уголками губ.

— Госпожа Виктория. Благодарю, что позволили приехать.

— Найр Эдвард. Рады вас видеть. Прошу, проходите.

Он обернулся к камердинеру.

— Это Томас. Он со мной с детства. Если можно — комнату для него. Рядом с моей.

— Конечно, — сказала я. — Эста проводит и вас, и его.

Эста уже ждала в холле. Она повела Томаса наверх — устраивать. Эдвард остался стоять в холле, оглядываясь. Я видела, что он смотрит — на лестницу, на портреты, на свечи, на людей, которые проходили мимо. Он не оценивал. Он просто смотрел. Как в прошлый раз. Как будто хотел понять, чем живёт этот дом. И, может быть, — как я живу в нём.

— Вы голодны с дороги? — спросила я. — Обед готов. Прошу.

Он кивнул, и я повела его в столовую. Стол был накрыт на двоих — я велела подать суп, жареную оленину с овощами, свежий хлеб, сыр, вино. Эдвард ел не спеша, с достоинством, и мы разговаривали — о дороге, о погоде, о том, что весна в этом году ранняя. Он рассказывал об отце — как тот поправляется, как ворчит, как требует, чтобы ему приносили газеты и книги. Я слушала и видела, что он говорит не для того, чтобы заполнить паузу. Он говорил потому, что хотел рассказать. Мне.

После обеда мы перешли в большую гостиную. Я велела подать чай. Мы сели у камина — он в кресло, я в своё, — и разговор пошёл своим чередом. О замке, о мастерских, о заказах, о посуде для императрицы. Он спрашивал — не из вежливости, а потому, что ему было интересно. Я отвечала. И чувствовала, что мне легко. Не потому, что он был сыном герцога. А потому, что он был собой — спокойным, внимательным, честным.

Томас появился через час — тихо, незаметно. Он встал у двери, сложив руки, и ждал. Эдвард обернулся.

— Томас, ты можешь идти. Отдохни. Я здесь не один.

Томас кивнул и вышел — так же тихо, как вошёл. Я посмотрела на Эдварда.

— Он всегда с вами?

— Всегда, — сказал Эдвард. — С детства. Он был моей нянькой, потом — камердинером.

Он знает обо мне больше, чем кто-либо. И молчит. Это редкость.

Я кивнула. Потом сказала:

— Он может остаться здесь. В замке. Если вам нужно — на день, на два. Комната есть. Еда есть.

Эдвард посмотрел на меня — долгим, внимательным взглядом. Потом сказал:

— Спасибо. Я запомню.

Эдвард остался в замке на несколько дней — не на один, не на два, а на пять. Он не говорил, сколько пробудет, и я не спрашивала. Просто утром он спускался к завтраку, и я видела, что он здесь. Что он не уехал. Что он остался.

Дни шли размеренно, без спешки. Утром мы завтракали вместе — в столовой, за столом у окна. Он ел мало, но с аппетитом, и мы разговаривали. О том, как спалось. О погоде. О том, что весна в этом году ранняя. Иногда — о делах. Он спрашивал о заказах, о мастерских, о

том, как продвигается работа. Я отвечала. Иногда — он рассказывал об отце. О том, как тот поправляется. О том, как ворчит. О том, как требует, чтобы ему приносили газеты. Я слушала. И видела, что он говорит не для того, чтобы заполнить паузу. Он говорил потому, что хотел рассказать. Мне.

После завтрака он уходил — не гулять, не отдыхать. Работать. Он помогал Джеку с бумагами — разбирал счета, проверял списки, составлял отчёты. Он помогал Брану в скорняжной — не потому, что умел, а потому, что хотел. Он держал инструменты, подавал кожу, смотрел, как Бран режет. Тим — маленький ученик — сначала боялся его, потом привык. Эдвард играл с ним в камешки — на полу, в углу мастерской. Я видела это однажды и остановилась. Он сидел на корточках, серьёзный, и бросал камешки. Тим смеялся. Эдвард — тоже. Тихо. По-настоящему.

Он ходил по мастерским — не как гость, а как человек, который хочет понять. Заходил к швеям — смотрел, как Марта кроит. Заходил к художницам — стоял у мольберта Иоланты, смотрел, как она смешивает краски. Заходил к переписчицам — листал книги, которые они делали. Заходил к Розе — держал в руках тарелку, которую она расписывала. Он не мешал. Не давал советов. Просто смотрел. И я видела, что девушки его не боятся. Что они привыкли к нему. Что они даже рады — потому что он был вежлив. И честен. И не смотрел свысока.

Иногда он выходил во двор — с Джеком, с мужиками. Смотрел, как чинят печь для Розы. Как строят новую копильню. Как чинят крышу на старом флигеле. Он не стоял в стороне — брал инструмент, подавал, держал. Мужики сначала косились — герцогский сын, — потом привыкли. Он был свой. Не по крови — по делу.

Вечерами мы сидели в большой гостиной — у камина. Я — в своём кресле. Он — в кресле напротив. Читали. Или разговаривали. Или молчали. Молчание с ним было не неловким — спокойным. Как будто нам не нужно было говорить, чтобы понимать друг друга. Иногда он рассказывал о своём имении — северном, далёком. О том, как там холодно зимой. О том, как он управляет делами. О том, как мечтает о чём-то другом. Я не спрашивала, о чём. Он не говорил. Но я видела — по его глазам, по тому, как он смотрел на огонь, — что он ищет. Что он хочет чего-то, чего у него нет. Может быть, покоя. Может быть, дома. Может быть, меня.

Однажды вечером мы вышли на крыльцо — подышать. Воздух был сырой, холодный, но свежий. Пахло мокрой землёй и дымом. Эдвард стоял рядом, засунув руки в карманы, и смотрел на двор.

— Хороший у вас замок, — сказал он тихо. — Живой. Я был во многих поместьях — там тихо. А у вас — шумно, людно, весело. Даже в дождь. Даже в бурю.

— Это не мой замок, — сказала я. — Это их замок. Тех, кто здесь живёт. Я просто... — я поискала слово, — я просто не мешаю.

Он повернулся ко мне.

— Вы больше, чем не мешаете. Вы даёте им место. И работу. И дом. Это редкость. Я не знаю никого, кто делал бы то же самое.

Я промолчала. Не потому, что не знала, что сказать. А потому, что не хотела говорить. Просто стоять рядом. Просто чувствовать, что он рядом. Просто быть.

На третий день он помогал на кухне — чистил овощи. Я застала его за этим занятием и остановилась на пороге. Он сидел на табурете, с ножом в руках, и чистил морковь. Рядом — повариха, которая сначала испугалась, а потом привыкла. Я видела, как она что-то ему говорит, и как он кивает. Как будто делал это всю жизнь. Я улыбнулась и ушла. Не стала мешать.

На четвёртый день он пошёл со мной в деревню — к колодцам, которые мы чистили. Он смотрел, как мужики вычерпывают грязь, как укрепляют стенки. Потом взял ведро и сам вытащил воду. Попробовал. Сказал: «Чистая». Я кивнула. Он посмотрел на меня — долго. Потом сказал: «Вы делаете больше, чем я думал. Больше, чем кто-либо». Я не ответила. Просто пошла дальше. Но я чувствовала его взгляд — на спине. Тёплый. Как рука.

На пятый день он уехал. Утром — после завтрака. Собрал вещи, вышел на крыльцо. Я стояла там. Он подошёл ко мне. Взял мою руку — не для поцелуя, просто взял. Подержал.

— Виктория, — сказал он тихо. — Спасибо. За всё. Я не знаю, когда смогу приехать снова. Отец ещё слаб. Но я вернусь. Обещаю.

— Я буду ждать, — сказала я.

Он кивнул. Потом отпустил мою руку. Сел в карету. Карета тронулась. Я стояла на крыльце и смотрела, как она уезжает. Колёса катились по мокрой дороге, оставляя тёмные колеи. Эдвард выглянул из окна и помахал рукой. Я помахала в ответ.

Карета скрылась за поворотом. Я осталась стоять.

Глава 5

Графиня Лора приехала через несколько дней после отъезда Эдварда — без предупреждения, как всегда. Я сидела в маленькой гостиной и разбирала письма, когда во двор въехала знакомая карета — тёмно-зелёная, с золочёным гербом. Графиня вышла первой, ещё до того, как кучер успел спуститься. Она была в ярко-розовом платье, с лентами в волосах, и улыбалась так широко, что я поняла: что-то случилось. Что-то хорошее.

Я вышла на крыльцо. Графиня уже бежала навстречу — по ступеням, забыв про этикет. — Найра Виктория! — крикнула она. — Я выхожу замуж!

Я остановилась. Посмотрела на неё. На сияющее лицо. На глаза, которые горели. На кольцо на пальце — я увидела его только сейчас. Золотое. С камнем.

— За Ричарда? — спросила я.

— За Ричарда! — она рассмеялась. — Конечно, за Ричарда! За кого же ещё? Он сделал предложение три дня назад. Я сказала да. Свадьба через два месяца. И я хочу платье. От вас. От Марты. Лучшее. Чтобы все ахнули.

Я обняла её — крепко, по-настоящему. Она обняла меня в ответ. Потом отстранилась и посмотрела на меня.

— Найра Виктория, вы не представляете. Я так счастлива. Я думала, что уже никогда... — она замолчала. Потом сказала тихо: — Я вдова. Молодая. Богатая. Все думали, что я так и останусь одна. Что я буду только танцевать на балах и покупать платья. А Ричард... — она улыбнулась. — Ричард увидел во мне не вдову. Не графиню. Меня. Просто меня.

Я кивнула. Я понимала. Может быть, больше, чем она думала.

Мы прошли в дом. Я велела подать чай. Графиня села в кресло — не в то, где обычно сидел Эдвард, а в другое, — и начала рассказывать. О том, как Ричард сделал предложение. О том, как она плакала. О том, как он сказал: «Я не герцог. Я младший сын. У меня нет ничего, кроме имени. Но я люблю вас». И она ответила: «Мне не нужно ничего. Мне нужны вы».

Я слушала. И видела, что она счастлива. По-настоящему. Не как графиня Лора, которая всегда смеётся и всех веселит. А как женщина, которая нашла своё. Своё место. Своего человека.

Потом она перешла к делу. Как всегда — внезапно, но с азартом.

— Платье, — сказала она. — Свадебное. Белое. Нет, не белое — я вдова. Светлое. Кремовое. Или голубое. Нет, кремовое. С кружевом. С жемчугом. С длинным шлейфом. Марта сможет?

— Сможет, — сказала я. — Марта всё может.

— И ещё — платья для подружек. Для Ирмы, для Софии, для двух других. Четыре. Светлые. Но не такие, как моё. Чтобы я была главной.

— Хорошо.

— И ещё — костюм для Ричарда. Нет, не костюм — камзол. Что-то благородное. Не слишком яркое. Он не любит яркое. Серое. Или синее. С серебром.

— Бран и Марта сделают. Вместе.

— И ещё — сумки, перчатки, кошель. Для меня и для подружек. И для Ричарда. И для его отца. Герцог приедет. Он ещё слаб, но приедет. Он не пропустит свадьбу сына.

Я кивнула. Герцог. Больной, слабый, но приедет. Эдвард рассказывал мне о нём — в ратуше, за портьерой, в ту ночь. О болезни. О страхе. О том, что отец не встанет с постели. Я не знала, как он сейчас. Но я знала: он приедет. Потому что это — его сын. Его младший сын. Который женится на графине. На богатой вдове. На женщине, которая была замужем за стариком и теперь выходит за молодого. Это был скандал. Но хороший скандал. Такой, который все будут обсуждать. И который все будут праздновать.

Графиня уехала к вечеру — с обещанием вернуться через неделю на примерку. Я проводила её до кареты. Она обняла меня на прощание.

— Найра Виктория, — сказала она тихо. — Спасибо. За всё. За платье. За сумки. За то, что вы есть. Вы — единственная, кто не смотрит на меня как на вдову. Как на графиню. Как на богатую дуру. Вы смотрите на меня как на человека.

Я улыбнулась.

— Вы и есть человек, ваше сиятельство. Просто человек. Который счастлив.

Она кивнула. Потом села в карету и уехала.

К свадьбе Лоры готовились всем замком. Это было не просто платье — это было событие. Графиня хотела, чтобы все ахнули. И мы хотели того же. Потому что это было наше платье. Наше имя. Наш шанс показать, что мы умеем.

Марта взялась за работу сразу — в тот же день, как Лора уехала. Она собрала всех швей, разложила ткани, которые мы отложили для особых случаев — кремовый шёлк, тонкое кружево, жемчужные пуговицы. Я видела, как она сидит над выкройкой — с утра до ночи, — и как девушки шьют, подшивают, гладят. Платье для Лоры должно было быть лучшим. Не просто лучшим — идеальным.

Я приходила в швейную каждый день — смотреть. Марта показывала мне то, что уже готово: лиф, рукава, юбку. Шёлк струился, кружево лежало ровно, жемчуг блестел при свечах. Я видела, что Марта волнуется — больше, чем обычно. Это было её платье. Её работа. Её имя. Она хотела, чтобы всё было безупречно.

— Госпожа, — сказала она однажды, — я думаю, здесь нужно больше кружева. И шлейф — длиннее. Чтобы когда она шла, все видели. Чтобы запомнили.

Я согласилась. Шлейф удлинит. Кружева добавили. Платье становилось всё красивее — и всё сложнее. Но Марта справлялась. Она всегда справлялась.

А потом я подумала: если Лора выходит замуж — я тоже должна быть на свадьбе. Не как гостя. Как хозяйка замка. Как та, кто шил. Как та, кто был рядом. И мне нужно было платье. Новое. Не то, в котором я была на балу. Не то, в котором я была у императрицы. Новое. Своё.

Я сказала Марте. Она кивнула — без удивления. Как будто ждала.

— Госпожа, — сказала она. — Я уже думала об этом. Я хочу сшить вам платье. Тёмно-синее. Или изумрудное. С серебром. Чтобы вы были — как вы. Не как все. Как хозяйка.

Я улыбнулась.

— Хорошо. Шей. Но не такое, как у Лоры. Не свадебное. Просто — красивое. Достойное. Чтобы я могла стоять рядом с ней. И не чувствовать себя... — я поискала слово, — не чувствовать себя меньше.

Марта кивнула. Она поняла.

Платье для меня она начала через неделю — когда платье Лоры было почти готово. Тёмно-изумрудный шёлк, с серебряной вышивкой по вороту и рукавам, с длинной юбкой, которая струилась при ходьбе. Не такое пышное, как у Лоры, — но элегантное. Строгое. Моё. Я видела, как Марта работает — медленно, тщательно, с той особой любовью, которая бывает только тогда, когда делаешь что-то для себя. Для своего человека.

Примерка была за две недели до свадьбы. Лора приехала — в ярко-розовом, с лентами, — и когда Марта вынесла платье, она ахнула. По-настоящему. Громко. Как всегда.

— Это... это... — она не могла найти слов. — Это лучшее, что я видела. Лучше, чем в столице. Лучше, чем у императрицы.

Она надела платье. Оно село идеально — как будто было сшито не по меркам, а по ней. Кремовый шёлк струился, кружево лежало ровно, жемчуг блестел. Лора крутилась перед зеркалом — то так, то этак. Потом обернулась ко мне.

— Найра Виктория, — сказала она тихо. — Я буду самой красивой невестой. Благодаря вам. Благодаря Марте. Благодаря всем.

Она заплакала — не сильно, просто слёзы потекли по щекам, и она вытирала их рукавом. Я обняла её. Марта — тоже. Потом Лора уехала — с платьем, счастливая.

А моё платье было готово через неделю. Я надела его — в своей комнате, перед зеркалом. Тёмно-изумрудный шёлк. Серебряная вышивка. Длинная юбка. Я смотрела на себя и видела женщину, которая три года назад не знала, куда идти. А теперь — стояла перед зеркалом в платье, которое сшили для неё. Для свадьбы. Для жизни.

Глава 6

Я вызвала Джека и Эсту сразу после того, как проводила Лору. Они пришли в маленькую гостиную — Джек с книгой учёта, Эста с папкой. Я показала им кошелёк, который оставила графиня. Тяжёлый. Щедрый. Такой, что хватило бы на многое.

— У нас есть деньги, — сказала я. — И я хочу вложить их в дело. Не в заказы — в производство. Настоящее. Своё. Я хочу построить новый флигель. Не для жилья — для работы. Гончарную мастерскую и стеклодельню.

Джек чуть поднял бровь. Эста замерла.

— Гончарную? — переспросила она. — И стеклодельню?

— Да. Роза делает посуду, но она одна. С ученицами. И она работает с готовой глиной, которую мы покупаем. А я хочу, чтобы мы делали всё сами. От начала до конца. Добывали глину, месили, формовали, обжигали. И стекло — тоже. Посуда, окна, бутылки, украшения. Это — редкое ремесло. В наших краях его почти нет. Если мы наладим — заказы пойдут со всей империи.

Джек записал. Потом спросил:

— Госпожа, вы понимаете, что это — большое дело? Печи для обжига, горны для стекла, станки, инструменты. Нужны мастера. Нужны люди, которые умеют. У нас таких нет.

— Знаю, — сказала я. — Поэтому мы будем искать. В городе. В столице. Где угодно. Найдём гончара. Найдём стеклодува. Привезём сюда. Заплатим. Дадим дом, работу, жалованье. Они научат наших.

Эста кивнула — медленно, обдумывая.

— Где строить? — спросила она.

— За рекой, — сказала я. — Там глина. Я видела — берег обрывистый, глина выходит на поверхность. И вода рядом. И место есть — пустое, за старым садом. Можно поставить флигель. Не жилой — производственный. С печами, с горнами, с большими окнами. Чтобы дым не шёл в замок. Чтобы работа кипела.

Джек записал. Потом сказал:

— Я найду мастеров. Гончара — в городе, у нас есть знакомые. Стеклодува — сложнее. Их мало. Может быть, в столице. Через императрицу. Или через баронессу. Она знает всех.

— Спроси, — сказала я. — И ещё — начни заготавливать материалы. Кирпич, камень, дерево. Печи — из кирпича, с глиняной обмазкой. Горны — тоже. Всё, что нужно.

Джек кивнул и вышел. Эста осталась.

— Госпожа, — сказала она тихо. — Это большое дело. Но у нас нет свободных комнат для мастеров. Если они приедут — где жить?

Я задумалась. Она была права. Новый дом занят. Старый флигель занят. Главный корпус — почти занят. Гостиные комнаты — для гостей. Но если мастера приедут — им нужно жильё.

— Построим ещё один дом, — сказала я. — Рядом с флигелем. Небольшой. Для мастеров. На две-три семьи. Или для одного. Смотря кто приедет.

Эста кивнула и записала.

— И ещё, — сказала я. — Роза. Она — гончар. Не мастер, но она умеет. Она может стать связью между нами и новым гончаром. Она знает, что нужно. Она покажет, как мы работаем. Пусть она будет главной в гончарной — когда всё будет готово.

Эста кивнула. Потом вышла.

Я позвала Джека обратно — он ещё не успел уйти далеко. Он вернулся, и я объяснила ему, что имею в виду.

— Стекло, — сказала я. — Не только посуда. Украшения. Бусы. Браслеты. Витражные окна. Если мы найдём стеклодува, который умеет работать с цветным стеклом — мы сможем

делать то, чего нет ни у кого. Дамы будут покупать украшения. Храмы — витражи. Богатые дома — зеркала и посуду. Это не просто ремесло. Это — искусство.

Джек кивнул — медленно, обдумывая.

— Госпожа, стеклодувов мало. И они дорогие. Настоящий мастер — тот, кто умеет цветное стекло, — стоит больших денег. И его нужно уговорить. У нас нет славы в этом деле. Мы — замок. Мы делаем платья, картины, книги. Но не стекло.

— Знаю, — сказала я. — Поэтому мы будем искать. Долго. Упорно. Через императрицу. Через баронессу. Через графиню Лору — она знает всех в столице. Если нужно — я сама поеду. Но мы найдём.

Джек записал. Потом сказал:

— Я спрошу у мастера порталов. Ортега знает многих. Он был при дворе. Он может знать стеклодувов. Или тех, кто знает.

— Спроси, — сказала я. — И ещё — напиши императрице. Не сейчас. Через неделю. Когда мы будем готовы. Скажи, что мы ищем стеклодува. Что мы построим мастерскую. Что дадим дом, работу, жалованье. Пусть она порекомендует. Если кто-то при дворе умеет — пусть придет.

Джек кивнул и вышел. Я осталась сидеть в кресле. За окном светило солнце, и в замке было тепло. Я думала о стекле. О том, как оно рождается — из песка, из огня, из дыхания. Как мастер выдувает из раскалённой массы шар — и шар становится вазой. Или бусиной. Или окном. Я видела это когда-то — в другом мире, в музее, на выставке. Я помнила, как это красиво. Как это завораживает. И я хотела, чтобы это было здесь. В замке. Чтобы наши девушки — те, что приехали из деревень, те, что остались без родителей, те, что не знали, куда идти, — научились этому. Чтобы они делали бусы. Браслеты. Витражные окна. Чтобы их работа шла по всей империи. Чтобы их имена знали. Чтобы они были — не просто мастерицами. Художницами. Настоящими.

Глава 7

Пока в замке шили свадебные платья — для Лоры, для меня, для подружек, — Джек и Эста занимались другим. Они не сидели без дела. У них было своё задание: построить новый флигель за рекой, найти мастеров для гончарного дела, подготовить всё, чтобы к осени — а может, к концу лета — новое производство заработало.

Джек начал с места. Он ходил за реку каждый день — с мужиками, с помощниками, — и размечал участок. Там, где берег обрывался и глина выходила на поверхность, он велел копать. Проверял, насколько глубоко пласт. Брал образцы, носил Розе — она смотрела, мяла в руках, говорила: «Хорошая. Можно делать». Джек кивал и записывал. Потом размечал фундамент. Большой. На два здания: одно — для гончарной, другое — для стеклодельни. Между ними — двор, с навесом для обжига, с местом для хранения глины и песка. Всё — продуманно. Всё — с умом.

Мужики копали с утра до ночи. Кто-то таскал камни, кто-то месил глину, кто-то пилил доски. Джек ходил между ними с чертежом — кривым, нарисованным на куске бересты, — и показывал, где что ставить. Он не был мастером-строителем, но за год научился многому. И мужики его слушались. Не потому, что он был начальником, а потому, что он работал вместе с ними. Брал лопату и копал. Брал молоток и забивал.

Эста занималась людьми. Она писала письма — в город, в столицу, в соседние деревни. Искала гончара. Не просто мастера — того, кто умеет работать с глиной от начала до конца. Кто знает, как добывать, как месить, как формовать, как обжигать. Кто может научить других. Она писала всем, кого знала: торговцам, купцам, знакомым дамам. Спрашивала. Ждала. И постепенно — ответы начали приходить.

Первый — из города. Старый гончар по имени Мартин. Ему было под шестьдесят, руки в мозолях, глаза светлые. Он держал мастерскую на окраине — маленькую, старую, но крепкую. Он умел делать всё: горшки, кувшины, тарелки, чашки. Но у него не было денег на расширение. И не было учеников — дети уехали в столицу, не захотели перенимать ремесло. Эста написала ему. Он ответил — сухо, по-деловому: «Приеду. Посмотрю. Если понравится — останусь». Джек съездил за ним. Привёз. Мартин посмотрел на место, на глину, на планы. Потом сказал: «Здесь можно работать. Я остаюсь». И начал — с первого дня. Помогать строить. Показывать мужикам, как класть печь для обжига. Как делать горны. Как готовить глину.

Второй — из деревни за дальним лесом. Молодая женщина по имени Агата. Ей было около тридцати. Она осталась вдовой два года назад — муж умер, детей не было. Она умела работать с глиной — мать научила. Она делала посуду — простую, но красивую. И ещё — она умела лепить изразцы. Для печей. Для каминов. С узорами. С цветами. Эста написала ей. Она ответила: «Приеду. Мне некуда идти. Если возьмёте — буду работать». Джек съездил за ней. Привёз. Она поселилась в старом флигеле — рядом с Розой. И сразу начала работать — с глиной, с формами, с изразцами.

Третий — мальчик. Пятнадцати лет. Сирота. Из деревни, где мы чистили колодцы. Он умел лепить — сам научился, из глины, которую находил на берегу. Делал свистульки, фигурки, маленькие горшки. Эста узнала о нём от женщин, которые приходили работать. Написала. Он приехал — худой, бледный, с мешком за плечами. Сказал: «Я умею. Возьмите». Джек посмотрел на его фигурки — простые, но живые. Сказал: «Берите. Будет учеником». Мальчика звали Ян. Он поселился в новом доме — с мальчиками, которые работали у Брана. И каждый день ходил за реку — учиться у Мартина и Агаты.

А мы строили. Фундамент за рекой был заложен. Стены — начали подниматься. Печи — Мартин и Агата складывали сами, с мужиками. Горны — для стекла — пока не начинали.

Ждали мастера. Но место было готово. И материалы — тоже. Кирпич, камень, глина, песок. Всё — своё. Всё — заготовлено.

Я ходила за реку иногда — посмотреть, как идёт дело. Мужики работали. Мартин командовал. Агата лепила изразцы. Ян месил глину. Роза приходила, смотрела, советовала.

Письмо императрице я написала на следующий день после разговора с Джеком. Села за стол, взяла перо, чернила, пергамент — хороший, не для черновиков. Писала долго, подбирая слова. Не жаловалась, не просила милостыню. Просто рассказала: строим новый флигель за рекой, хотим наладить гончарное дело, но для стекла нужен мастер. Настоящий. Стеклодув. Если её величество знает кого-то, кто мог бы приехать, — мы будем благодарны. Дадим дом, работу, жалование. Всё, что нужно.

Запечатала. Отправила с вестником. И стала ждать.

Ответ пришёл через неделю — раньше, чем я ожидала. Магвестник вспыхнул в холле, и из него выпал конверт с императорской печатью. Я как раз шла из мастерских — проверяла, как идут свадебные платья, — и остановилась. Подняла. Сломала печать. Развернула.

Императрица писала сама — ровным, каллиграфическим почерком, но с той живостью, которую я помнила по нашей встрече в малой гостиной.

«Найра Виктория, — читала я. — Я получила ваше письмо. И я знаю такого мастера. В столице живёт старик по имени Эрхард. Ему уже под семьдесят. Он был лучшим стеклодувом империи — работал при дворе моего отца, делал витражи для храмов, посуду для императорского стола, украшения для моей матери. Но десять лет назад он оставил дело. Глаза уже не те, руки не те. Он живёт в маленьком доме на окраине, с двумя сыновьями. Сыновья — Ханс и Курт — умеют работать. Они учились у отца. Они стараются. Но у них нет мастерской, нет печи, нет места. Они делают мелкие вещи на заказ — бусы, браслеты, — но это не то. Они хотят большего. Им нужна мастерская. Им нужен дом. Им нужен кто-то, кто поверит в них.

Я говорила с ними. Они согласны приехать. Все трое — старик и сыновья. Они привезут свои инструменты. Они научат ваших. Если вы возьмёте их, они будут работать. Не за деньги — за место. За возможность делать то, что умеют.

Напишите мне. Я пришлю их порталом. Или они приедут сами — как скажете. Жду. Ваша императрица».

Я перечитала письмо дважды. Потом ещё раз. Эрхард. Лучший стеклодув империи. Старик, который работал при дворе. Который делал витражи для храмов. Который умел всё — цветное стекло, посуду, украшения. И его сыновья — Ханс и Курт. Которые хотят работать. Которые ждут. Которые приедут.

Я встала и пошла к Джеку. Он был в конторе — разбирал бумаги. Я показала ему письмо. Он прочитал. Потом посмотрел на меня.

— Госпожа, это... это невероятно. Лучший стеклодув империи. У нас. В замке.

— Знаю, — сказала я. — Надо подготовиться. Дом для них. Мастерская. Печь. Горн. Всё, что нужно для стекла.

Джек кивнул и записал.

— Я ускорю строительство, — сказал он. — Флигель за рекой почти готов. Стены стоят. Крыша на подходе. Печи для гончарной — Мартин и Агата заканчивают. Для стекла — начнём, как только приедут. Они сами скажут, что нужно.

— Хорошо, — сказала я. — И ещё — дом для них. Не в новом доме — там занято. Не в старом флигеле — там тоже. Постройте небольшой дом рядом с мастерской. На три комнаты. С печью. С кухней. Чтобы старик мог отдохнуть. Чтобы сыновья жили рядом.

Джек кивнул.

— Сделаем. За две недели. Может, быстрее.

Я вернулась в свою комнату и села за стол. Надо было ответить императрице. Я взяла перо и написала: «Ваше императорское величество, благодарю. Присылайте. Мы готовы. Дом

будет. Мастерская будет. Всё будет. Виктория». Коротко. Вежливо. Достоинно. Я запечатала письмо и велела отправить. Потом откинулась в кресле и посмотрела в окно.

За ним светило солнце. Весна шла. Где-то за рекой стучали молотки — строили флигель. Где-то в мастерских швеи шили свадебные платья. Где-то в скриптории скрипели перья. Всё двигалось. Всё шло своим чередом. И теперь — стеклодувы. Эрхард и его сыновья. Лучший мастер империи. У нас. В замке. Я улыбнулась. Это было больше, чем я мечтала. Больше, чем я могла представить.

Глава 8

На свадьбу Лоры мы выехали за день до торжества — в своей карете, с Рыжим и Гнедым, с кучером на козлах. Я — в тёмно-изумрудном платье, которое сшила Марта. Элиза — со мной, в новом сером платье, с аккуратной причёской. Она волновалась — впервые ехала в гости, не прислуживать, а сопровождать. Я видела, как она теребит край платья, как поглядывает в окно. Но держалась. Молодец.

Джек сам вызвался быть кучером — «чтобы всё было как надо». Он сидел на козлах, в тёплом плаще, с вожжами в руках. Рыжий и Гнедой шли ровно, уверенно — они привыкли к карете, к дороге. Весна была в разгаре — поля зеленели, деревья стояли в цвету, и воздух был тёплый, мягкий, с запахом травы и цветов. Я смотрела в окно и думала о том, что два года назад я не могла себе этого представить. Карета. Лошади. Служанка. Поездка на свадьбу. К графине. Как гостя. Как равная.

Дорога до имения Лоры заняла около трёх часов. Мы приехали к вечеру — солнце уже клонилось к закату, и небо на западе порозовело. Усадьба стояла на холме — большой дом из светлого камня, с колоннами, с парком, с фонтаном. Вокруг — кареты, кареты, кареты. Гости съезжались. Я видела знакомые лица — найра Ирма, найра София, баронесса фон Морн, графиня фон Штайн. Все — в нарядных платьях, с подарками, с улыбками.

Джек остановил карету у крыльца. Он помог мне выйти, потом — Элизе. Я поднялась по ступеням, и Лора уже бежала навстречу — в кремовом платье, с жемчужными пуговицами, с кружевом. В том самом платье, которое сшила Марта. Она сияла. По-настоящему. Как невеста.

— Найра Виктория! — крикнула она. — Вы приехали! В платье! В своём! — Она обняла меня — крепко, по-настоящему. — Я так рада! Все здесь! Все смотрят! И все спрашивают, кто шил моё платье. Я говорю мастерицы в замке. Они не верят. Говорят — так не шьют в провинции. А я говорю — шьют!

Я улыбнулась.

— Благодарю, ваше сиятельство. Вы прекрасны.

— Это вы! — она отстранилась и посмотрела на меня. — Это вы и Марта. И все ваши девушки. Я хочу, чтобы вы знали: я никогда этого не забуду. Никогда.

Она взяла меня за руку и повела в дом. Элиза шла за нами — тихо, с любопытством оглядываясь. Слуги проводили нас в комнаты — две смежные, светлые, с окнами в парк. Я велела Элизе отдохнуть с дороги, умыться, переодеться к ужину. Сама — села в кресло у окна и посмотрела на парк. Гости гуляли, разговаривали, смеялись. Где-то играла музыка. Где-то накрывали столы. Свадьба будет завтра. А сегодня — ужин, разговоры, знакомства. Я видела Эдварда — он стоял у фонтана, с бокалом в руке, и разговаривал с каким-то мужчиной. Увидев меня в окне, он чуть кивнул. Я кивнула в ответ. И улыбнулась. Сама не заметила, как.

Ужин был шумным. Гостей собралось много — родня Лоры, родня Ричарда, друзья, знакомые. Я сидела за столом между найрой Ирмой и баронессой. Напротив — Эдвард. Он смотрел на меня — не постоянно, но часто.

После ужина гости разошлись — кто спать, кто гулять. Я вышла на террасу — подышать. Ночь была тёплая, звёздная. Пахло цветами и весной. Я стояла и смотрела на парк. Услышала шаги. Обернулась. Эдвард.

— Найра Виктория, — сказал он тихо. — Я хотел пожелать вам доброй ночи. Завтра — свадьба. Будет шумно. Вам нужно отдохнуть.

— Благодарю, — сказала я. — Вы тоже.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я рад, что вы приехали. Я хотел вас видеть.

— Я тоже, — сказала я.

И это была правда.

Он улыбнулся — чуть-чуть. Потом поклонился и ушёл. Я осталась стоять на террасе. Ночь была тихая. Звёзды горели. Где-то в доме играла музыка. Где-то смеялись гости. А я стояла и думала о том, что завтра — свадьба. И что я буду там. В своём платье. Рядом с ним.

Свадьба началась в полдень. Солнце стояло высоко, небо было ясное, и в парке играли музыканты. Я проснулась рано — Элиза помогла мне одеться, уложила волосы, застегнула пуговицы на тёмно-изумрудном платье. Я посмотрела в зеркало. Женщина, которая смотрела оттуда, была спокойной. Готовой. Я улыбнулась ей и вышла.

Церемония проходила в саду — под открытым небом, среди цветущих деревьев. Стулья расставили полукругом, дорожку устлали белым шёлком, у алтаря стоял жрец — старый, в белых одеждах, с посохом. Гости уже собирались. Я видела знакомые лица — найра Ирма, найра София, баронесса, графиня фон Штайн, сёстры Вайс. Эдвард стоял впереди — рядом с Ричардом. Тот был бледен, но улыбался. Он ждал. Я подошла и села на своё место — во втором ряду, рядом с баронессой. Элиза — позади.

Музыка заиграла громче. Гости обернулись. Лора шла по дорожке — медленно, торжественно, — под руку с дальним родственником, который вёл её к алтарю. Она была в кремовом платье, с жемчужными пуговицами, с кружевом, с длинным шлейфом. Волосы убраны в высокую причёску, с лентами и цветами. Она сияла. По-настоящему. Как невеста. Как женщина, которая нашла своё.

Ричард смотрел на неё, не отрываясь. Я видела, как у него дрожат руки. Как он сглатывает. Как он улыбается — широко, счастливо. Когда она подошла, он взял её руку и подержал. Потом повернулся к жрецу.

Церемония была короткой. Жрец говорил о любви, о верности, о том, что двое становятся одним. О том, что брак — это не конец, а начало. Лора и Ричард повторяли слова — тихо, но внятно. Потом обменялись кольцами. Потом жрец объявил их мужем и женой. Ричард поцеловал Лору — нежно, не спеша. Гости захлопали. Кто-то плакал. Кто-то смеялся. Музыка заиграла снова — громко, радостно.

Потом был пир. Столы накрыли в парке — длинные, с белыми скатертями, с цветами, со свечами. Слуги разносили вино, закуски, жаркое. Гости ели, пили, говорили тосты. Я сидела между баронессой и найрой Ирмой. Напротив — Эдвард. Он поднял бокал и посмотрел на меня. Я подняла свой. Мы выпили — молча, глядя друг на друга. И это было обещание. Не сказанное, но понятное.

После пира начались танцы. Лора и Ричард открыли бал — первый танец, медленный, красивый. Потом к ним присоединились другие. Я не танцевала. Сидела в стороне — с бокалом, смотрела. Эдвард подошёл ко мне — когда музыка стала тише, когда гости разбрелись по парку.

— Найра Виктория, — произнес он учтиво. — Позвольте составить вам компанию?

Я кивнула. Он сел рядом. Мы смотрели на танцующих. Молчали. Потом он произнес:

— Красивая свадьба. Лора счастлива. Ричард — тоже.

— Да, — кивнула я. — Они нашли друг друга.

Он помолчал. Потом сказал тихо:

— Виктория, я хотел сказать вам. Я думал об этом всю зиму. Всю весну. Я не хочу ждать больше. Я хочу быть с вами. Не как гость. Не как друг. Как... — он замолчал, подбирая слово. — Как тот, кто рядом. Всегда. Если вы позволите.

Я посмотрела на него. На его тёмные глаза. На его спокойное лицо. На его руки, которые он держал на коленях — чтобы не выдать волнения.

— Эдвард, — ответила я. — Я не знаю, что будет. Я не знаю, готова ли. Я привыкла быть одна. Я не умею... — я искала слово. — Не умею пускать кого-то. Близко.

— Я знаю, — кивнул он. — Я не тороплю.

— Но, — добавила я, — я хочу, чтобы вы были рядом. Я хочу, чтобы вы приезжали. Я хочу, чтобы вы были там. В замке. Со мной. Я не знаю, как это будет. Но я хочу попробовать.

Он улыбнулся — широко, открыто, впервые за всё время. Потом взял мою руку. Подержал. Согрел.

— Тогда я буду рядом, — сказал он. — Всегда. Пока вы не прогоните.

— Не прогоню, — покачала я головой.

Мы сидели рядом. Музыка играла. Гости танцевали. Лора смеялась. Ричард смотрел на неё влюблёнными глазами. А мы — мы сидели. Молчали. Держались за руки.

Глава 9

Свадьба закончилась поздно — почти в три часа ночи. Последние танцы отгремели, музыканты устали, свечи догорали. Гости начали расходиться — кто в свои комнаты, кто в кареты, кто остался ночевать в усадьбе. Лора и Ричард ушли первыми — под смех и аплодисменты. Я видела, как они идут по дорожке к дому — вдвоём, держась за руки. Лора что-то говорила, смеялась, а Ричард смотрел на неё, не отрываясь. Как будто не мог поверить, что она — его. Я улыбнулась и пошла к себе.

В комнате меня ждала Элиза — заспанная, но не спавшая. Она помогла мне снять платье, расшнуровала корсет, расчесала волосы. Я умылась, надела ночную рубашку и легла. Постель была мягкая, прохладная. Я лежала на спине и смотрела в потолок. Свеча горела на столике — тускло, тепло. Я не гасила её. Не хотела темноты.

Я думала о свадьбе. О Лоре — как она шла по дорожке, сияющая. О Ричарде — как он смотрел на неё. О жреце — как он говорил о любви. О гостях — как они плакали и смеялись. И об Эдварде. О том, как он сидел рядом. Как взял мою руку. Как сказал: «Я буду рядом. Всегда». Я не знала, что будет. Не знала, готова ли. Но я знала: я хочу, чтобы он был рядом.

Я повернулась на бок. Свеча догорала. За окном было тихо. Где-то в доме ещё слышались голоса — кто-то не спал, смеялся, прощался. Свадьба закончилась. Но что-то другое только начиналось. Я закрыла глаза. Сон пришёл быстро — тихий, без сновидений.

Утром я проснулась поздно — солнце уже стояло высоко. Элиза уже встала — я слышала, как она ходит по комнате. Я потянулась, села на кровати. Голова была тяжёлая — после вчерашнего. Но на душе было легко. Я умылась, оделась — в простое, дорожное платье. Потом спустилась в столовую.

Гости уже собирались — заспанные, но довольные. Лора и Ричард сидели во главе стола — счастливые, усталые. Лора что-то рассказывала, смеялась. Ричард держал её за руку. Я села рядом с баронессой. Завтрак был простой — яичница, каша, хлеб, мёд, чай. Я ела мало — не хотела. Просто сидела. Смотрела. Слушала.

Эдвард подошёл ко мне после завтрака — когда гости начали разъезжаться. Он был в дорожном сюртуке, с саквояжем в руке. Сказал тихо:

— Найра Виктория, я уезжаю. Отец ждёт. Но я приеду. Скоро. В замок. Если можно.

— Можно, — сказала я. — Приезжайте.

Он кивнул. Потом взял мою руку. Подержал. Отпустил. И ушёл — к карете, где ждал Томас. Я смотрела ему вслед. Потом пошла к своей карете. Джек уже ждал на козлах. Элиза — в карете. Я села. Джек тронул вожжи. Рыжий и Гнедой пошли. Карета покатила по дороге.

Я смотрела в окно. Усадьба Лоры уменьшалась — медленно, как будто не хотела отпустить. Потом скрылась за поворотом. Дорога шла через поля, через лес, через деревни.

Мы вернулись в замок к вечеру. Карета катилась по знакомой дороге, и я чувствовала, как что-то внутри меня успокаивается. Дом. Свой дом. Где всё знакомо, где всё моё. Джек остановил карету у крыльца, и я вышла. Эста уже бежала навстречу — с шалью, с вопросами, с новостями. Я видела, что она хочет что-то сказать. Что-то важное.

— Госпожа, — сказала она, накидывая мне шаль на плечи. — У нас гости. Точнее — новые люди. Стеклодув. Эрхард. С сыновьями. Они приехали вчера. Я поселила их в новом доме — на первом этаже, в комнатах для мастеров. Пока — там. Дом для них ещё не готов.

Я остановилась. Стеклодув. Эрхард. Лучший стеклодув империи. Приехал. Пока меня не было. Я смотрела на Эсту и не знала, что чувствую. Радость — да. Волнение — тоже. Но и что-то ещё. Что-то, что было похоже на ответственность. Теперь всё зависело от того, как я их встречу. Что скажу. Как покажу себя.

— Они ещё здесь? — спросила я.

— Здесь, — сказала Эста. — Устали с дороги. Отдыхают. Я накормила их. Дом для них почти готов. Джек сказал, что к концу недели можно будет переехать.

Я кивнула.

— Хорошо. Утром я с ними познакомлюсь. Сейчас — отдыхать. Я устала.

Я поднялась в свою комнату. Элиза помогла мне раздеться, умыться, лечь. Я лежала в постели и думала. О стеклодуе. О его сыновьях. О том, что они приехали. Что они здесь. Что завтра я увижу их. Что я скажу? Как начну? Я не знала. Но я знала: я справлюсь. Как всегда. Я закрыла глаза и уснула.

Утром я проснулась рано — солнце только поднималось. Я умылась, оделась в простое, домашнее. Потом спустилась в столовую. Эста уже ждала — с чаем, с хлебом, с новостями.

— Госпожа, я сказала Эрхарду, что вы вернулись. Он ждёт. С сыновьями. В новом доме. На первом этаже. В мастерской.

Я кивнула. Допила чай. Встала. И пошла.

Новый дом стоял на своём месте — большой, светлый, с окнами на юг. Я вошла в мастерскую — ту, что на первом этаже, рядом с отдельным входом. Там пахло — я почувствовала сразу — чем-то новым. Не кожа, не краски, не чернила. Что-то другое. Что-то, что пахло огнём. Пылью. Стеклом.

Они стояли у стола — трое. Старик — высокий, сухой, с седыми волосами и руками, которые знали всё. Он смотрел на меня — спокойно, внимательно. Рядом — двое мужчин. Лет тридцати и двадцати пяти. Похожие на отца. С такими же руками. С такими же глазами. Они поклонились. Я кивнула.

— Госпожа Виктория, — сказал старик. Голос был низкий, хриплый — как будто он дышал дымом много лет. — Я — Эрхард. Это мои сыновья — Ханс и Курт. Мы приехали.

— Добро пожаловать, — сказала я. — Рада вас видеть. Как доехали?

— Хорошо, — сказал Эрхард. — Порталом. Быстро. Спасибо вашей императрице. Она добра к нам.

Я кивнула. Потом сказала:

— Покажите мне, что вы умеете.

Эрхард чуть улыбнулся. Потом кивнул сыновьям. Ханс — старший — подошёл к столу, взял что-то. Я не видела что. Потом он поднял руку. В руке была бусина. Стеклянная. Синяя. Прозрачная. Как капля воды. Он положил её на стол. Курт — младший — добавил ещё одну. Зелёную. С золотыми прожилками. Потом ещё. Красную. Жёлтую. Белую. Они выкладывали их одну за другой — маленькие, красивые, живые. Я смотрела и не верила. Это было — искусство. Настоящее.

— Это всё, что мы успели сделать в дороге, — сказал Эрхард. — Но мы умеем больше. Посуда. Витражные окна. Зеркала. Всё, что нужно.

Я смотрела на бусины. Потом на них. На старика. На его сыновей. И сказала:

— Хорошо. Очень хорошо. Вы будете работать. Дом для вас почти готов. Мастерская — за рекой. Печи начнём строить, как только вы скажете, что нужно. Всё будет. Всё, что вы захотите.

Эрхард кивнул. Потом сказал:

— Госпожа, мы не просим многого. Нам нужна только возможность работать. Место. Огонь. И тишина. Всё остальное — мы сделаем сами.

Я улыбнулась.

— Будет вам место. И огонь. И тишина. Всё будет.

Я вышла из мастерской и пошла к замку.

Глава 10

Через семь дней после свадьбы Лоры — а свадьба была в конце мая — печи для керамики были закончены. Мартин и Агата работали с мужиками с утра до ночи, и к концу первой недели июня всё было готово. Печь для обжига — большая, из кирпича, с глиняной обмазкой, с дымоходом, который выходил в сторону реки. Горн для обжига изразцов — поменьше, но тоже крепкий. Столы для формовки, полки для сушки, ямы для глины. Всё — как надо. Всё — своё.

Гончары приступили к работе в середине июня. Мартин — старший — взял на себя обжиг. Он знал, какую температуру держать, какую глину когда класть, когда открывать заслонку. Агата формовала. Она сидела за кругом с утра до ночи, и под её руками рождались кувшины, чашки, тарелки, горшки. Ян — мальчик-сирота — помогал: месил глину, носил дрова, подметал стружку. Роза приходила каждый день. Она смотрела, советовала, показывала узоры. Её ученицы — Мара, Лина, Ада — работали рядом. Грунтовали, расписывали, обжигали.

Стеклодувы переехали в новый дом в те же дни. Небольшой дом рядом с мастерской — три комнаты, печь, кухня. Эрхард — старик — занял дальнюю комнату. Ханс и Курт — две другие. Томас — их слуга, которого они привезли с собой, — поселился в чулане рядом с кухней. Дом был простой, но крепкий. Эрхард сказал: «Хорошо. Здесь можно жить». И начал работать. Печи для стекла — большие, с горнами, с трубами — начали строить в конце июня. Эрхард сам показывал мужикам, как класть кирпич, как делать поддувало, как выводить дымоход. Он не торопился. Он делал на совесть. И все видели: этот старик знает, что делает.

А я — я написала письма. Всем заказчикам. Тем, кто покупал посуду у Розы. Тем, кто ждал новых узоров. Тем, кто спрашивал, когда будет ещё. Я писала: «Уважаемая найра... У нас открылось гончарное производство. Мы делаем посуду — от простой до расписной. Кувшины, тарелки, чашки, горшки, изразцы для печей. Если вам нужно — приезжайте. Или напишите. Мы сделаем. Цены — умеренные. Качество — хорошее. С уважением, Виктория».

Письма ушли с вестниками — в город, в столицу, в соседние имения. Я знала: ответы придут. Кто-то закажет. Кто-то приедет. Кто-то расскажет другим. Потому что гончарное дело — это было что-то новое. Что-то, чего не было ни у кого в округе. И потому что слух о замке шёл. Молва ширилась. Люди знали: здесь делают красиво. И хорошо. И на совесть.

Первые заказы на керамику посыпались почти сразу — как только письма ушли. Уже через три дня в холле начали вспыхивать порталы. Слуги приносили письма, задатки, образцы. Кто-то хотел кувшины для стола, кто-то — тарелки с узорами, кто-то — изразцы для печи. Мартин и Агата работали с утра до ночи. Печь топилась постоянно. Роза и её ученицы расписывали готовые вещи. Всё двигалось. Всё шло своим чередом.

А потом приехал Эдвард.

Я как раз шла из гончарной — проверяла, как идут первые заказы, — когда во двор въехала знакомая карета. Тёмно-серая, без гербов. Я остановилась. Сердце сделало что-то странное — ёкнуло, что ли. Я не ждала его так скоро. Но он приехал. Значит, что-то случилось.

Джек помог ему выйти. Эдвард выглядел усталым — с дороги, — но спокойным. Увидев меня, он чуть улыбнулся — уголками губ. Потом подошёл.

— Найра Виктория, — сказал он. — Здравствуйте.

— Найр Эдвард, — сказала я. — Рада вас видеть. Не ждала так скоро.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я привёз письмо. От отца. Он велел передать лично.

Я посмотрела на него. На его лицо — смущённое, но решительное. На его руки, которые он держал за спиной. Как будто не знал, куда их деть. Я поняла: что-то не так. Что-то в письме. Что-то, что он не хотел показывать, но должен был.

— Идёмте, — сказала я. — В гостиную. Там поговорим.

Мы прошли в маленькую гостиную. Я велела подать чай. Эдвард сел в кресло — не в то, где обычно сидел, а в другое. Как будто хотел быть дальше. Или ближе. Я не поняла. Он держал в руках конверт — плотный, с гербовой печатью. Не решался отдать. Я ждала. Молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.